

УДК 681.586.782

Г.В. Лашкарев¹, М.В. Радченко¹, В.И. Лазоренко¹, М.Э. Бугаева¹,
В.И. Сичковский¹, В.В. Асоцкий¹, Л.И. Петросян¹,
Л.А. Крушинская², Я.А. Стельмах²

¹Институт проблем материаловедения им. И.Н. Францевича НАН Украины
г. Киев, ул. Кржижановского, 3, Украина, 03680

²Институт электросварки им. Е.О. Патона НАН Украины
г. Киев, ул. Антоновича, 68, Украина, 03150

ФЕРРОМАГНИТНЫЕ НАНОКОМПОЗИТЫ НА ОСНОВЕ НАНОЧАСТИЦ КОБАЛЬТА В МАТРИЦЕ Al_2O_3

Ключевые слова: ферромагнитные наноконпозиты, ферромагнитные наночастицы, порог перколяции, отрицательное магнитосопротивление, суперпарамагнетизм

Ферромагнитные наноконпозиты $Co_x(Al_2O_3)_{100-x}$ ($7,8 < x < 42,2$ ат.%) с толщиной слоя 1 ± 5 мкм получены методом двухступенчатого электронно-лучевого испарения. Установлено, что при содержании Co до 28 ат.% ферромагнитные наноконпозиты обладают суперпарамагнитными, а при 42,2 ат.% – ферромагнитными свойствами. При такой концентрации Co величина отрицательного магнитосопротивления составляет ~1,5% в магнитном поле 6,5 кЭ при 77 К. Изучается возможность управления магниторезистивными свойствами путем изменения содержания ферромагнитных наночастиц и технологических параметров осаждения.

Введение

Исследование новых магнитных материалов (многослойных структур, гранулированных пленок, манганитов и т. п.) позволило в конце XX века открыть ряд важных магниторезистивных эффектов – гигантское магнитосопротивление в 1988 г. [1, 2] и колоссальное магнитосопротивление в 1993 г. [3], которые представляют значительный интерес как для фундаментальной физики, так и для практического применения.

Отрицательное гигантское магнитосопротивление – это спин-зависимый эффект, обусловленный особенностями рассеяния спин-поляризованных носителей тока в гетерогенных магнитных многослойных структурах [4]. Разновидностью такого эффекта является туннельное магнитосопротивление [5]. Оно наблюдается в структурах типа ферромагнетик–диэлектрик–ферромагнетик и реализуется в том случае, когда две ферромагнитные частицы (или пленки) с размерами порядка нескольких нанометров разделены диэлектрическим барьером, через который возможно туннелирование электронов. К системам с туннельным магнитосопротивлением относят ферромагнитные наноконпозиты (ФМНК), а также многослойные систе-

© Г.В. ЛАШКАРЕВ, М.В. РАДЧЕНКО,
В.И. ЛАЗОРЕНКО, М.Э. БУГАЕВА,
В.И. СИЧКОВСКИЙ,
В.В. АСОЦКИЙ, Л.И. ПЕТРОСЯН,
Л.А. КРУШИНСКАЯ,
Я.А. СТЕЛЬМАХ, 2011

мы, содержащие магнитные пленки. ФМНК являются двухфазными гранулированными материалами, в которых наночастицы ферромагнитного металла распределены в диэлектрической матрице [6].

На основе материалов с магниторезистивным эффектом создают сенсоры слабых магнитных полей, которые находят применение в качестве чувствительных элементов в магнитных головках считывания, в медицинских диагностических приборах (для измерения слабых магнитных полей, возбуждаемых органами человека, для анализа ДНК), в промышленных и автомобильных системах контроля [7].

Такой широкий спектр возможного использования магниторезистивных материалов является мотивацией для более подробного исследования их, в том числе ФМНК.

Экспериментальная часть

Гранулированные слои $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($7,8 < x < 42,2$ ат.%) толщиной $1 \div 5$ мкм, осажденные на поликоровые подложки, были получены методом двухтигельного электронно-лучевого испарения, который открывает широкие возможности для создания структур ФМНК путем управляемого построения заданной конфигурации двухфазного твердого тела.

Изменение скорости испарения и конденсации паровых потоков Al_2O_3 и Co позволило ис-

следовать влияние количества металлической примеси на структуру и свойства полученных композитов. Для определения элементного состава конденсатов использовали рентгеноспектральный микроанализатор (приставка EDX к растровому электронному микроскопу «CamScan-4D») и программу обработки результатов «Inca-2000» (ошибка измерения не превышала $\pm 0,3\%$).

Структуру нанокompозита изучали с помощью просвечивающей электронной микроскопии (ПЭМ) на микроскопе JEM-2100F. Исследование образца $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($x = 7,8$ ат.%) показало наличие двухфазной структуры ФМНК (рис. 1а), которая имеет вид фрагментированных металлических включений Co (затемнения на микроструктуре образца) в диэлектрической матрице Al_2O_3 . Обработка методом Фурье (рис. 1б) позволяет оценить размер ферромагнитной наночастицы (ФМНЧ) Co ($\sim 3 \div 5$ нм). Дифракционная электронограмма (рис. 1в) указывает на аморфную структуру наночастиц Co и матрицы ФМНК.

Магнитные свойства ФМНК исследованы путем измерения магнитной восприимчивости (МВ), намагничения и электронного парамагнитного резонанса (ЭПР). Исследование МВ проведено относительным методом Фарадея с помощью электронных микровесов с автоматической компенсацией в температурном интервале 77–290 К, а исследование намагничен-

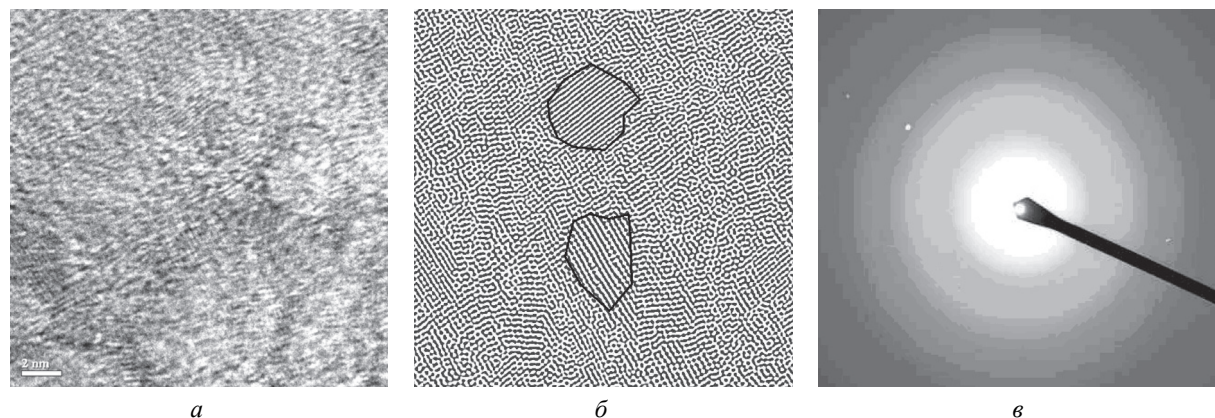

Рис. 1. Микроструктура (а), обработка методом Фурье (выделены области ФМНЧ Co) (б) и электронограмма композита $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($x = 7,8$ ат.%) (в)

ности – с помощью сверхпроводящего квантового интерферометра (SQUID) в температурном интервале 4,2–250 К. Исследования ЭПР выполнены при комнатной температуре на трехсантиметровом ($\nu \cong 9,4$ ГГц) спектрометре «Radiopan X-2244» с использованием модуляции магнитного поля на частоте 100 кГц. Электрические свойства и магнитосопротивление изучали в температурном интервале 77–300 К с помощью установки, созданной на базе мультиметра «Keithley-2700/E» с системой сбора данных. Контакты к образцам изготавливали с помощью серебряной электропроводящей пасты.

Экспериментальные результаты и их обсуждение

На рис. 2 приведена зависимость МВ от температуры для пленок Al_2O_3 с содержанием Со 7,8; 28,2 и 42,2 ат.% при различных условиях напыления (изменялась температура подложки T_n).

При исследовании намагниченности ФМНК с 7,8 ат.% Со с помощью SQUID-магнетометра (рис. 3) было обнаружено, что постоянная Вейса равна нулю. Это свидетельствует об отсутствии обменного взаимодействия между наночастицами кобальта при данной концентрации последнего.

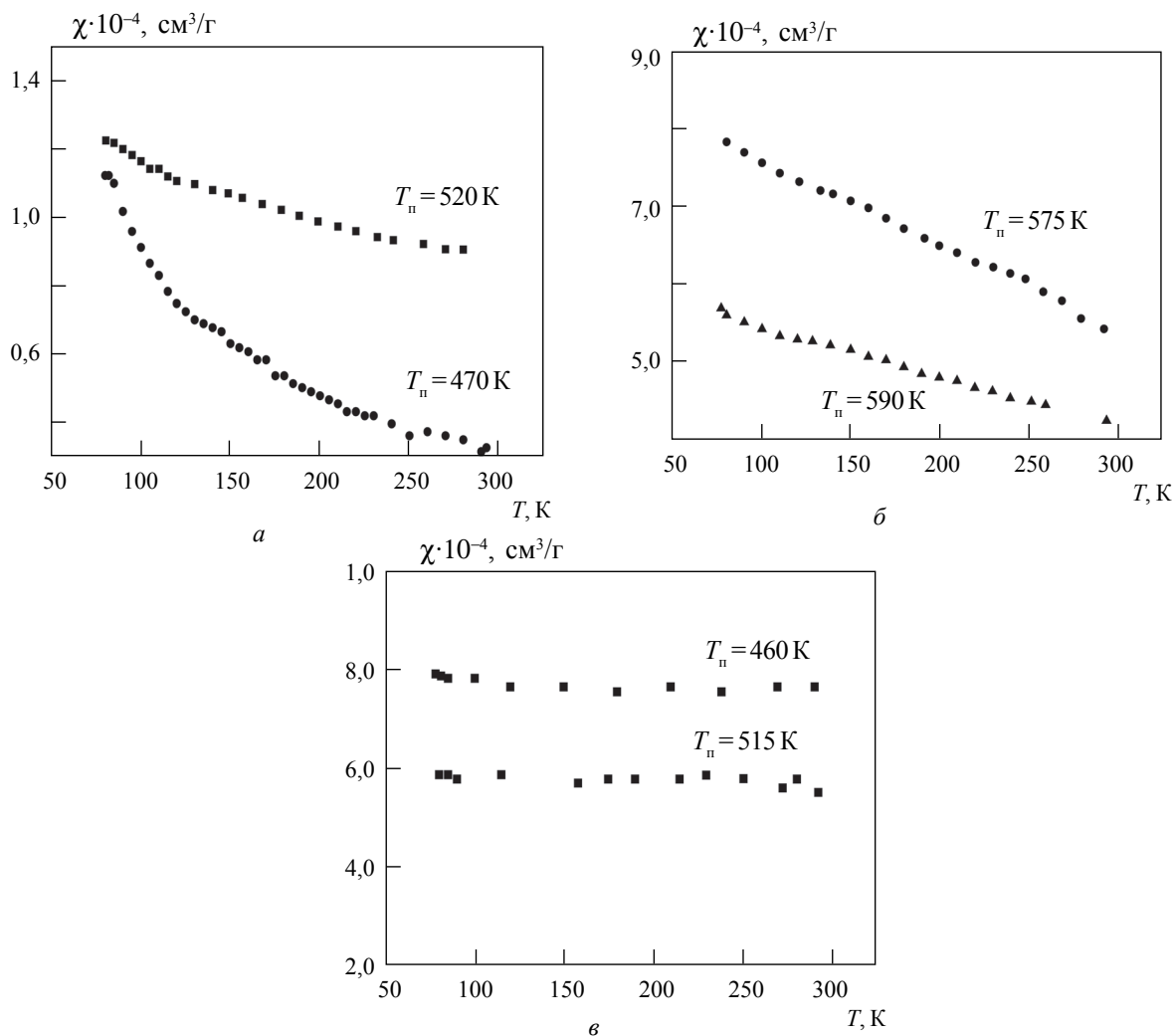

Рис. 2. Температурная зависимость магнитной восприимчивости ФМНК с содержанием Со 7,8 (а); 28,2 (б) и 42,2 ат.% (в) в магнитном поле 2,5 кЭ

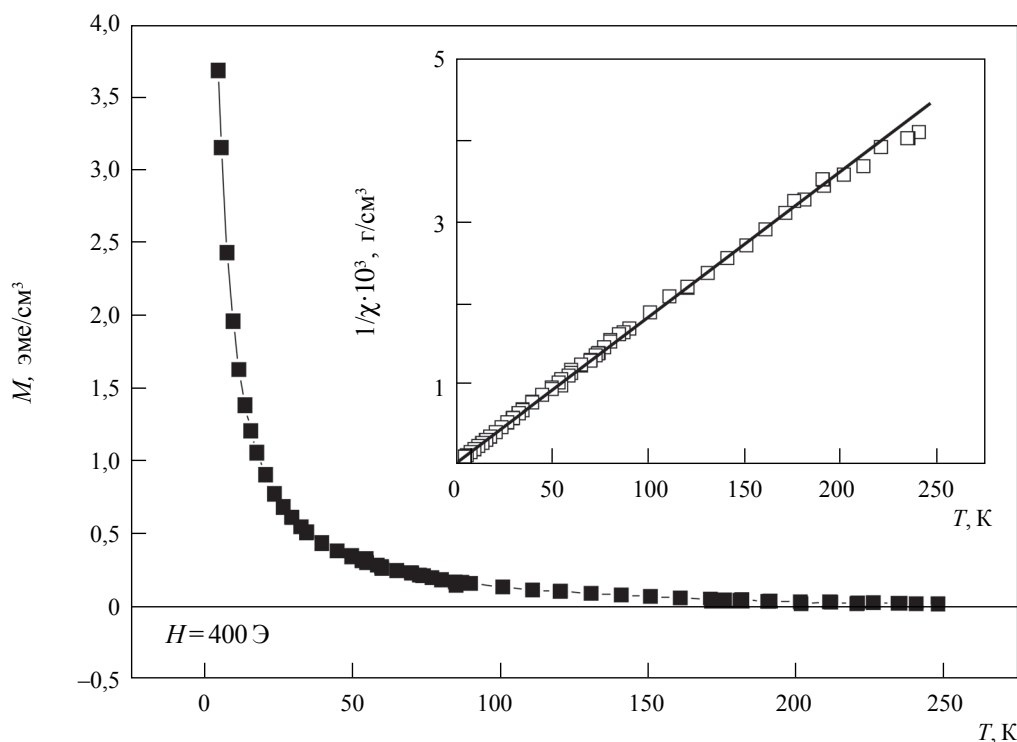

Рис. 3. Температурная зависимость намагниченности ФМНК с содержанием 7,8 ат.% Со

С увеличением содержания кобальта зависимость МВ от температуры перестает подчиняться закону Кюри–Вейса, что вызвано возрастающим взаимодействием между ферромагнитными наночастицами (ФМНЧ). При увеличении концентрации ФМНЧ Со до 42,2 ат.% магнитный момент наночастиц более не зависит от температуры, что связано с возникновением бесконечного ферромагнитного кластера (БФМК), имеющего высокую температуру Кюри (T_K). Для массивного металлического кобальта $T_K = 1400$ К. Рост температуры осаждения в данном случае приводит к более равномерному распределению ФМНЧ Со в матрице, что уменьшает магнитный момент БФМК.

На рис. 4 представлены результаты исследования зависимости намагниченности ФМНК различного состава от магнитного поля.

В образцах с содержанием Со 7,8 ат.% отсутствует петля гистерезиса в интервале от температуры жидкого гелия до комнатной, а

зависимость магнитного момента от магнитного поля нелинейная, что свойственно суперпарамагнитному состоянию ФМНК (рис. 4а). При максимальной концентрации кобальта (42,2 ат.%) петля гистерезиса (ферромагнитное состояние) наблюдается до достижения комнатной температуры (рис. 4в). По значениям коэрцитивности H_c возможна оценка размера ФМНЧ согласно работе [8]. Так, в случае средней концентрации Со (28,2 ат.%) размер ФМНЧ составляет ~5 нм, что близко к значениям, определенным с помощью ПЭМ. В образцах ФМНК с 28,2 ат.% Со наблюдается переход от суперпарамагнитного состояния в ферромагнитное с понижением температуры (рис. 4б).

Для определения температуры, ниже которой частицы будут вести себя как ферромагнетик, так называемой температуры блокирования T_b , мы провели исследование намагниченности в двух режимах – охлаждения в нулевом магнитном поле (zero field cooling – ZFC) и ох-

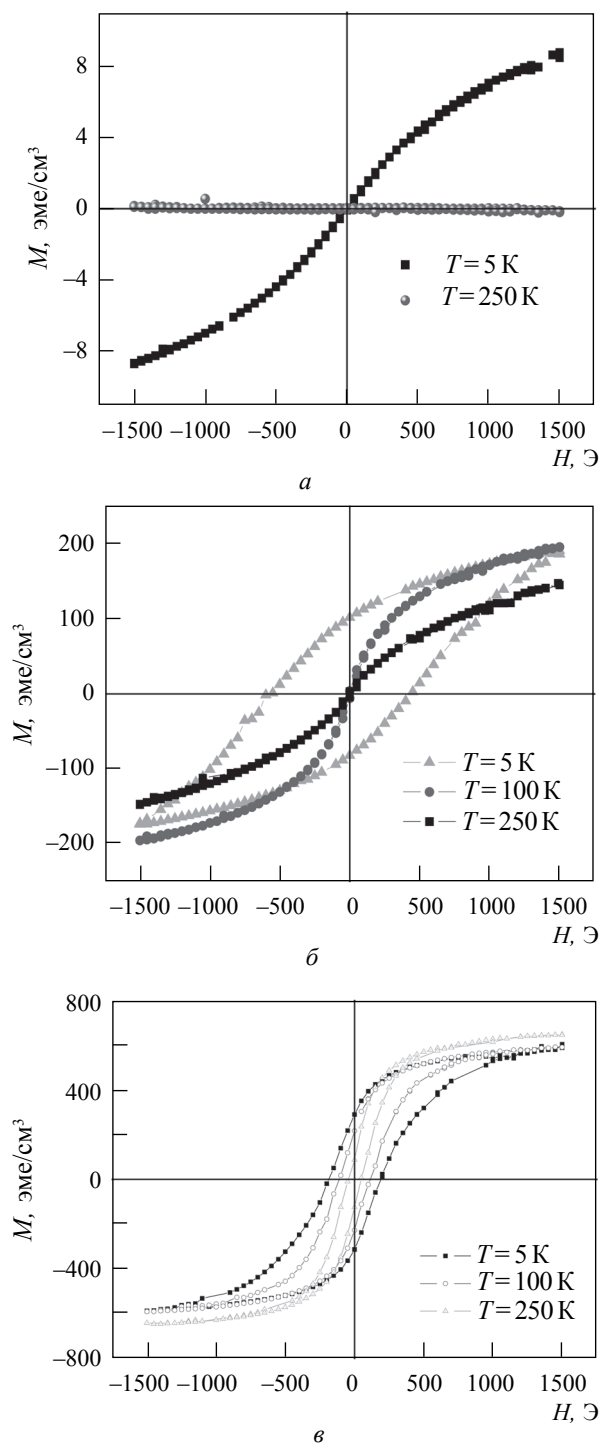

Рис. 4. Зависимость намагниченности ФМНК с содержанием Co 7,8 (а); 28,2 (б) и 42,2 ат.% (в) от магнитного поля

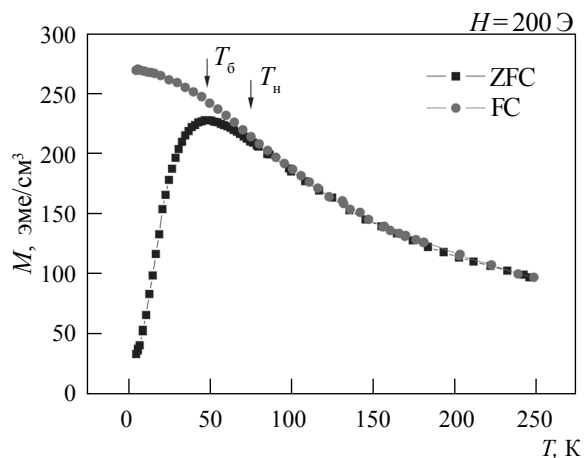

Рис. 5. Температурная зависимость намагниченности (ZFC- и FC-измерения) образца ФМНК с 28,2 ат.% Co

лаждения в ненулевом магнитном поле (field cooling – FC). На рис. 5 представлена температурная зависимость намагниченности ФМНК с 28,2 ат.% Co.

Видно, что кривые FC и ZFC совпадают при высоких температурах, однако начинают расходиться ниже температуры T_n . При этом кривая ZFC имеет максимум, а кривая FC монотонно возрастает до минимальной температуры измерения (5 K).

Максимум на зависимости ZFC наблюдается при более низких температурах. Такое поведение свидетельствует о распределении ферромагнитных частиц по размерам в исследуемом нанокompозите [9]. Действительно, тогда как магнитный момент M крупных частиц уже «замерз», т. е. принял фиксированное направление вдоль оси легкого намагничивания частицы ($T < T_\delta$), магнитный момент малых частиц еще меняет со временем свое направление вследствие теплового возбуждения. В результате имеем разброс по температуре перехода от свободной ориентации магнитного момента в пространстве к фиксированной [10].

В слоях ФМНК, содержащих 7,8 ат.% кобальта (рис. 6а), наблюдалась интенсивная линия парамагнитного резонанса $H_0 \sim 3000$ Э и шириной $\Delta H = 1000$ Э, не имеющая угловой зависимости и магнитного гистерезиса. Это свя-

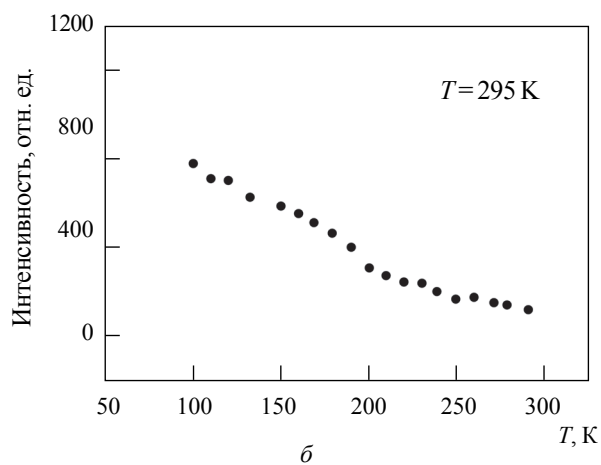
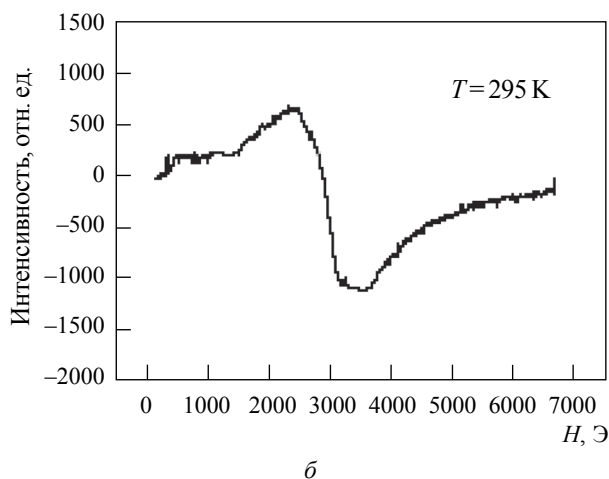
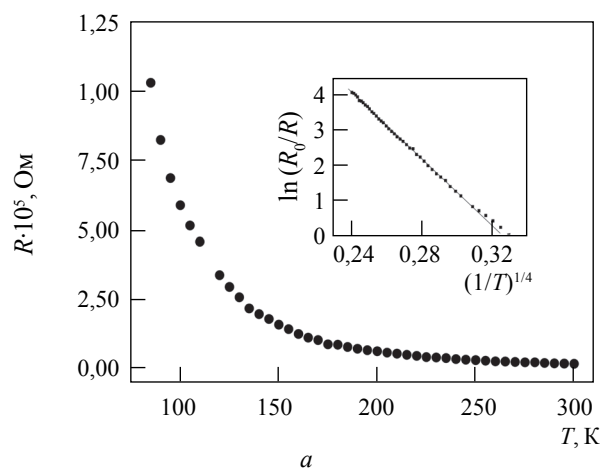
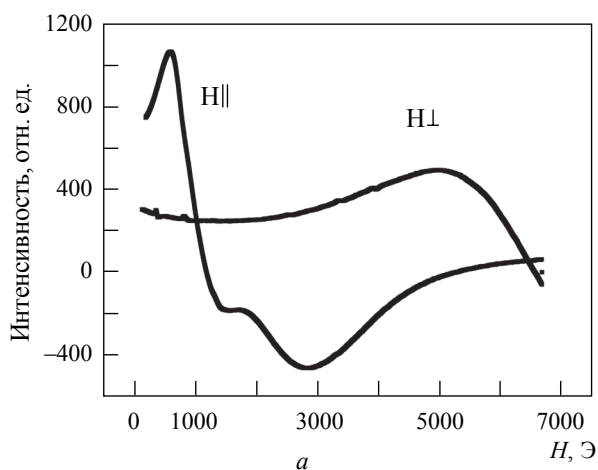

Рис. 6. ЭПР композита с концентрацией наночастиц Co 7,8 ат. % (а); ФМР при содержании наночастиц Co 42,2 ат. % для $H_{\parallel}$ параллельного и $H_{\perp}$ перпендикулярного площади образца (б)

Рис. 7. Температурные зависимости электросопротивления ФМНК с содержанием Co 7,8 ат. % (а) и 42,2 ат. % (б)

зано с суперпарамагнитным поведением однодоменных ФМНЧ кобальта.

В слоях с содержанием 42,2 ат. % кобальта наблюдается ферромагнитный резонанс (ФМР), имеющий характерный магнитный гистерезис и сильную угловую зависимость ширины линии от ориентации плоскости образца по отношению к вектору магнитного поля вследствие эффектов размагничивания. Результаты измерений приведены на рис. 6б.

На рис. 7а представлена температурная зависимость электрического сопротивления для

образца Al_2O_3 с содержанием 7,8 ат. % кобальта. Видно, что она имеет активационный характер.

Эта же зависимость в координатах $\ln(R_0/R) \propto (1/T)^{1/4}$ имеет вид прямой линии, где R_0 – значение при $T = 77$ К. Можно сделать вывод, что при содержании Co ниже порога протекания (перколяции) выполняется закон Мотта.

Выражение для проводимости в случае прыжкового механизма с переменной длиной прыжка по локализованным состояниям, которые лежат в узкой щели энергий на уровне Ферми, имеет следующий вид (закон Мотта):

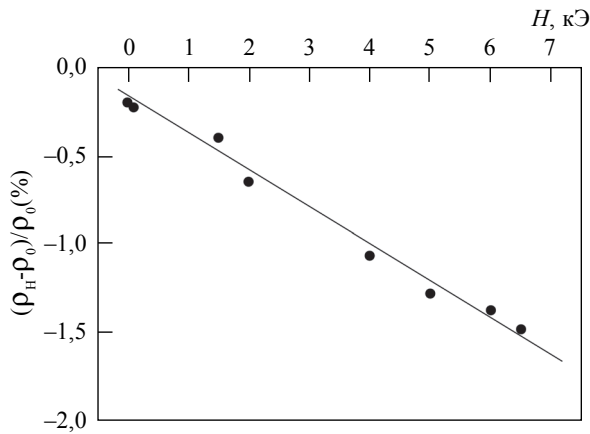

Рис. 8. Зависимость от магнитного поля магнитосопротивления ФМНК, содержащего 42,2 ат.% Со

$$\sigma = e^2 l^2 v_{ph} g(E_F) \exp\left(\frac{B}{T}\right)^{1/4},$$

где $B = \frac{1,66}{\alpha^3 k g(E_F)} e$ – заряд электрона, l – длина прыжка, v_{ph} – фактор спектра фононного взаимодействия, T – абсолютная температура, α – радиус локализации волновой функции электрона, k – постоянная Больцмана, $g(E_F)$ – плотность локализованных состояний на уровне Ферми. Таким образом, в композите данного состава преобладает перенос заряда путем прыжковой проводимости электронов в диэлектрической матрице. Расчет $g(E_F)$ дает большие значения вследствие того, что источником локализованных состояний могут быть также оборванные химические связи матрицы и границы раздела матрица–гранула.

Температурная зависимость сопротивления для образца с большим содержанием кобальта 42,2 ат.% представлена на рис.7б. Видно, что величина сопротивления значительно меньше, чем в образцах ФМНК с малой концентрацией Со (7,8 ат.%). Это свидетельствует о возникновении бесконечного ферромагнитного кластера. При такой концентрации кобальта возникают линии токопереноса между наночастицами и условия для туннелирования электронов.

На рис. 8 представлены результаты исследования зависимости магнитосопротивления от приложенного поперечного магнитного поля.

Магнитосопротивление отрицательно, оно возникает вследствие спин-зависимого туннелирования поляризованных электронов между ферромагнитными наночастицами кобальта. Величина его составляет $\sim 1,5\%$ в поле 6,5 кЭ. Небольшая абсолютная величина магнитосопротивления свидетельствует о том, что в данном случае еще не выполнены условия оптимизации этого параметра, что станет предметом дальнейших исследований.

Выводы

ФМНК $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($7,8 < x < 42,2$ ат.%) получены двухтигельным электронно-лучевым испарением с последующей конденсацией паров Al_2O_3 и Со на поликоровой подложке при температуре $T_n = 370\text{--}670$ К.

Установлено, что при содержании кобальта до 28 ат.% ФМНК имеют суперпарамагнитные свойства. Нулевая величина постоянной Вейса свидетельствует об отсутствии обменного взаимодействия между ФМНЧ. В образцах ФМНК с содержанием кобальта 7,8 ат.% наблюдается линия парамагнитного резонанса при $H_0 \sim 3000$ Э шириной $\Delta H = 1000$ Э, которая не имеет угловой зависимости и магнитного гистерезиса, что свойственно суперпарамагнитному поведению ФМНЧ кобальта.

В образцах с содержанием 42,2 ат.% Со наблюдается интенсивная линия ферромагнитного резонанса. Она имеет характерный для ФМР магнитный гистерезис и сильную угловую зависимость от ориентации вектора магнитного поля H относительно плоскости образца вследствие эффектов размагничивания. В образцах ФМНК с 28,2 ат.% Со наблюдаются переход от суперпарамагнитного состояния в ферромагнитное при понижении температуры и явление блокирования магнитных моментов наночастиц кобальта вдоль оси легкого намагничивания.

Исследование транспортных свойств ФМНК выявило, что при содержании Со ниже порога перколяции выполняется закон Мотта, справед-

ливість якого свідечує про домінування переносу заряду від гранули до гранули шляхом тунельної провідності електронів з переменною довжиною тунелювання по локалізованих станах, що знаходяться в вузькій області енергій поблизу рівня Фермі. Спин-залежне розсіювання електронів при кімнатній температурі призводить до негативного магнітосопротивлення величиною $\sim 1,5\%$ при $H = 6,5$ кЭ [11].

Виражаємо подяку І.І. Тимофєєвій за визначення рентгеноаморфної структури ФМНК. Робота частково фінансувалася за програмою НАН України «Наносистеми, наночастинки, нанотехнології», проєкт П-13-10(Н).

Феромагнітні наноконстанти $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($7,8 < x < 42,2$ ат.%) з товщиною плівок $1 \div 5$ мкм отримано методом двотигельного електронно-променевого випаровування. Встановлено, що при вмісті Co до 28 ат.% феромагнітні наноконстанти мають суперпарамагнітні, а при 42,2 ат.% – феромагнітні властивості. За такої концентрації Co величина негативного магнітоопору становить $\sim 1,5\%$ у магнітному полі 6,5 кЕ при 77 К. Вивчається можливість управління магніторезистивними властивостями шляхом зміни вмісту феромагнітних наночастинок і технологічних параметрів осадження.

Ключові слова: феромагнітні наноконстанти, феромагнітні наночастинки, поріг перколяції, негативний магнітоопір, суперпарамагнетизм

Ferromagnetic nanocomposites $\text{Co}_x(\text{Al}_2\text{O}_3)_{100-x}$ ($7,8 < x < 42,2$ at.%) with thickness $1 \div 5$ μm were obtained by Electron Beam Physical Vapor Deposition. It is revealed that at cobalt content up to 28 at.% ferromagnetic nanocomposites displayed superparamagnetic behavior and at the cobalt content to 42.2 at.% have ferromagnetic one. The negative magnetoresistance of the magnitude $\sim 1.5\%$ in the magnetic field of 6.5 kOe at $T = 77$ K was observed for the same cobalt concentration. The possibility for control of the magnetoresistive properties by changing

content of ferromagnetic nanoparticles and technological parameters of deposition is under studying.

Key words: ferromagnetic nanocomposites, ferromagnetic nanoparticles, percolation threshold, negative magnetoresistance, superparamagnetism

1. Giant Magnetoresistance of (001)Fe/(001)Ge magnetic superlattices / Baibich M.N., Broto J.M., Fert A. et al. // Phys. Rev. Lett. – 1988. – 61. – P. 2472–2480.
2. Giant magnetoresistance in heterogeneous Cu–Co alloys / Berkowitz A., Young A.P., Mitchell J.R. et al. // Phys. Rev. Lett. – 1992. – 68. – P. 3745–3748.
3. Tokura Y., Tomioka Y. Colossal magnetoresistive manganites // JMMM. – 1999. – 200. – P. 1–23.
4. Никитин С.А. GMR-головки для жорстких дисків взяли Нобелівську премію по фізиці // Соросівський освітній журнал. – 2004. – 8, № 2. – С. 92–98.
5. Изотропное положительное магнитосопротивление наногранулированных композиционных материалов / Стогней О.В., Сытников А.В., Калинин Ю.Е. и др. // Физика твердого тела. – 2007. – 49, вып. 1. – С. 158–164.
6. Золотухин И.В., Калинин Ю.Е., Сытников А.В. Наноконструктивные структуры на пути в наноэлектронику // Природа. – 2006. – № 1. – С. 11–19.
7. Юдинцев В. МЭМС-датчики: нанотехнологии наступают // Электроника: наука, технология, бизнес. – 2006. – № 8. – С. 26–30.
8. Магнитные свойства наночастиц 3d-металлов / Г.И. Фролов, О.И. Бачина, М.М. Завьялова, С.И. Равочкин // Журнал технической физики. – 2008. – 78. – С. 101–105.
9. Superparamagnetism of Co–Ferrite Nanoparticles / Vejpravova J.P., Sechovsk V., Niznansk D. et al. – WDS'05 Proceedings of Contributed Papers: Part III – Physics (ed. J. Safrankova), Prague, Matfyzpress. – 2005. – P. 518–523.
10. Jose-Yacamán M., Ascencio J.A., Liu H. The Structure and Shape and Stability of Nanometric Sized Particles // J. Vac. Sci. and Techn. – 2001. – 19. – P. 1091–1107.
11. Lashkarev G.V., Radchenko M.V., Danylenko M.I. Magnetic and electrical properties of ferromagnetic nanocomposites based on Co nanoparticles in Al_2O_3 matrix // Phys. Status Solidi B. – 2011. – 248, N 7. – P. 1619–1622.